

УДК 37(094)

Т. В. Яковлева

ТРАДИЦИИ КАК МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ МОРАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ

В статье рассматривается преемственность как философская категория, отражающая объективную закономерность бытия. Анализируются формы традиционно-ориентированной деятельности: обычаи, социальные привычки и навыки. Определяется характер взаимодействия обычаев и традиций.

Ключевые слова: социокультурные традиции, обычаи, навыки, стереотип поведения.

T. V. Yakovleva

TRADITIONS AS A MODEL OF MORAL REGULATION SYSTEM

This article considers continuity as a philosophical category which reflects natural objective law of existence and analyses types of traditionally orientated activities: customs, social habits and skills. It also determine the character of customs and traditions interaction.

Keywords: socio-cultural traditions, customs, skills, behaviour stereotype.

Традиция – «ключ к пониманию главного в строении человеческих обществ...»

M. Wilson

Одним из актуальнейших вопросов теории культуры, имеющих первостепенное значение на протяжении всей истории мировой культуры, является проблема культурного наследия [об этом см. 1, с. 385–438; 16, с. 8–24; 12, с. 147–229].

В тексте национального доклада по культурной политике Российской Федерации отмечено, что «основными целями культурной политики являются сохранение национального наследия и передача его... будущим поколениям» [7, с. 186]. Без прошлого нет настоящего, без настоящего нет будущего, лишь обретя первое, укрепляя второе, можно двигаться в третье.

Значит, пока мы не научимся беречь то, что получено в наследство от предшествующих поколений, мы не будем иметь культурных основ общественного прогресса, мы не встроимся в общечеловеческий ритм естественно-исторического развития.

Требование возрождения, восстановления традиций является, с нашей точки зрения, стратегическим для концепции обновления российской действительности и национальной цивилизации.

Практический опыт поколений и рациональное сознание, «здоровый смысл», действующий в пределах данной социально-психологической и этнической общности, проявляются через посредство таких форм традиционно-ориентированной деятельности, как обычаи, социальные привычки и навыки. Привычки, так же как и навыки, приобретаются в результате повторения действий. Но, в то же время, как навыки, являясь способом достижения целей, могут отвечать разным потребностям. Привычное действие отвечает одной определенной потребности, требующей выполнения именно данного действия. Отсюда можно сделать вывод: повторяющаяся, привычная деятельность, привычка, указывает на сохранение потребности в этой деятельности. Привычки, стихийно впитывая в себя определенное общественное, нравственное поведение, играют роль закрепительного фактора. Таким образом, формируется социальный стереотип как «схематический, стандартизированный образ или представление о социальном явлении

или объекте, обычно эмоционально окрашенный и обладающий большой устойчивостью. Он выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием условий и предшествующего опыта» [15]. К тому же, по существу, сводится и социальное значение обряда (как навыка действий), обычая.

Однако ряд исследователей отмечают, что традиция прямо и непосредственно устанавливает связь между действиями и духовными качествами. Причем весьма важно, что в этой связи духовное качество всегда ставится в положение причины соответствующего действия.

В связи с вышесказанным нам представляется целесообразным рассмотреть систему традиций как общественного явления, не с точки зрения простой передачи положительного опыта (как это обычно рассматривается в литературе), а как *системы моральной регуляции личности индивидуума в коллективе*.

Каждый человек начинает осознавать окружающий мир, опираясь на выработанные тысячелетним опытом «фигуры общественного сознания» [11], категории гуманитарных и естественных наук, апробированные ценностные ориентации. В сфере практики ему так же предлагаются к усвоению определенные орудия труда, производственные навыки, технологии и т. д. Это и есть самые разнообразные значения, каждое из которых – «ставшее достижением моего сознания (в большей или меньшей своей полноте и многосторонности) обобщенное отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме понятия, знания или даже в форме умения, как обобщенного “образа действия” нормы поведения и т. п.» [8, с. 299]. Таким образом, исследуя диалектику развития человечества, мы сталкиваемся с такой философской категорией, как преемственность.

Развернутый теоретический анализ сущности преемственности на основе диалектической концепции развития впервые был проведен Гегелем, который, разрабатывая закон отрицания, дал глубокую постановку вопроса об объективной необходимости преемственности в процессе развития. Противопоставив диалектическое отрицание метафизическому, он первым в истории философии обосновал вывод о закономерности преемственности в процессе снятия: «снятое есть вместе с тем и сбереженное, которое лишь потеряло свою непосредственность, но отнюдь не уничтожено вследствие этого» [4, с. 99]. Отсюда вытекает важнейший вывод, к которому пришел Гегель: диалектически понятое отрицание предполагает не только отмену, разрушение, уничтожение старого, но и развитие того рационального, что было уже достигнуто на предыдущей ступени развития. В «Науке логики» он отмечал: «другое есть, по существу, не пустое отрицательное, не нечто... а другое первого, отрицательное непосредственного; оно, следовательно, определено как опосредованное, вообще содержит внутри себя определение первого. Тем самым, по существу, также сберегается и сохраняется в другом. Удерживать положительное в его отрицательном, содержание предпосылки в ее результате, – вот что есть самое важное в разумном познании» [4, с. 307–308]. Но, связывая преемственность с саморазвитием абсолютной идеи (с позиции диалектического идеализма), Гегель отказывал в развитии природе и отрицал тем самым преемственность как атрибут развития материального мира.

В противоположность идеалистической диалектики материалистическая диалектика рассматривает преемственность как необходимое проявление бесконечного процесса саморазвития материи, как объективную закономерность бытия, отражаемую в процессе развития познания. «Преемственность –

это связь между различными этапами или ступенями развития как бытия, так и познания, сущность которого состоит в сохранении тех или иных элементов целого или отдельных сторон его организации при изменении целого как системы, то есть при переходе его из одного состояния в другое. Связывая настоящее с прошлым и будущим, преемственность тем самым обуславливает устойчивость целого» [2, с. 7].

Лотман Ю. М., рассуждая о сохранившихся в культуре посредством преемственности элементах архаики, трактует их как органические формы, обеспечивающие целостность человеческой культуры как таковой [10]. Таким образом, преемственность выступает как объективная связь между новым и старым в процессе развития.

Без анализа преемственности нельзя понять диалектику развития, взаимосвязь между отрицаемым и отрицающим, между старым и новым, ибо каждое явление есть единство тождества и различия. Если каждая вещь, каждый процесс, отличаясь от других, вместе с тем имеет что-то общее с другими вещами, процессами, то уже отсюда следует вывод, что именно наличие этого общего необходимо обуславливает преемственность и как частное ее проявление – повторяемость в процессе развития данного явления.

Рассуждая о традиции, мы будем говорить о преемственности как эволюционных, количественных изменениях (при которых удерживается сама структура, воспроизводимая вновь и вновь в рамках данного качества), и здесь она будет основой повторяемости.

Необходимо отметить, что нас интересует прогрессивная линия направления изменений (в процессе преемственности): при включении старого в новое, подчинение первого второму на основе повышения уровня организации целого. Этот тип преемственности можно назвать поступательным, так как его сущность состоит в сохранении и развитии

на качественно новых уровнях положительных результатов, достигнутых на предыдущих этапах истории человеческого общества.

Однако преемственность – «это не только преемственность материальных ценностей, но и процесс передачи идей, знаний, доктрин, то есть всего того, что мы относим к ценностям духовности» [17, с. 6], так, категория «преемственность» близко соприкасается с понятием «культурное наследие», которое в свою очередь неразрывно связано с целым рядом других категорий теории социально-культурной деятельности: культурные ценности, традиции, новаторство и др.

Именно традиция выступает как система действий, передающихся из поколения в поколение и формирующих мысли и чувства людей, вызываемые у них определенными общественными отношениями.

«Основа ценностных форм человеческого бытия, по всей вероятности, представляет собой социально-культурные нормы, то есть те стороны и свойства практики и культурной жизни, которые носят характер регулярной повторяемости, так как выражают устойчивые связи человеческой жизнедеятельности, необходимые условия синхронизации и координации их практического опыта» – отмечается в [6, с. 132].

С точки зрения Ю. М. Лотмана, «наличие у человечества ненаследственной памяти вызвало... необходимость существования кодирующей системы... которой и стала система традиций» [10, с. 341].

При этом, «общая обрядово-этическая поэтическая символика восходит в конечном счете, к единству этносоциальных представлений, формировавшихся и усложнявшихся по мере становления и развития этноса» [18, с. 20].

Если, основываясь на рассуждениях М. Евзлина [5], систему традиций рассматривать, как программу действий, то традиции (по терминологии Юнга) будут сродни

«архетипам» и явятся «представительными условиями всякого отдельного случая», и «которые инстинктивно наделяют формой и влияют на наши мысли, чувства и действия» [5, с. 203].

Вместе с тем, выделяя в процессе анализа традиций такие моменты, как: 1) обязательность системы действий коллектива, воплощающих в себе мысли и чувства, необходимые для осуществления тех или иных общественных отношений; 2) необходимость материального закрепления этих действий и 3) превращение этих материально закрепленных действий в достояние других возрастных групп, других поколений людей, вступающих в данные общественные отношения, – мы не можем ограничиться только этими признаками традиций, ибо они еще не дают нам возможность провести сколько-нибудь четкую грань между понятиями «традиция», «обычай», «обряд» и т. д.

Определение традиции, данное нами в первом его приближении, недостаточно и в том отношении, что оно не схватывает некоторые, весьма существенные, ее признаки, в частности, свойства приобретать и определенную стабильность, устойчивость, и известную самостоятельность, подвижность.

Отсюда вытекает необходимость определения характера взаимодействия обычая и традиции.

Следует отметить, что конечная цель традиций сводится к тому, чтобы ввести деятельность нового поколения в то русло, по которому развивалась деятельность старших поколений. Этой цели, казалось бы, успешно можно достигнуть, предписав молодому поколению конкретные приемы действий в определенных ситуациях. В известной мере такие предписания в традициях содержатся. Но не это составляет их существенную особенность. Деятельность, связанная с любыми традициями столь многогранна, столь бесчисленны конкретные по-

ступки, ее составляющие, что единственным путем управления этими поступками остается формирование качеств, способных регулировать поведение людей.

В отличие от традиций, обычай всегда дает детальные предписания поступка в конкретной ситуации и вместе с тем не предъявляет требований к духовным качествам человека. Обычай весьма подробно регламентирует то, что следует или не следует делать в данной обстановке, и не указывает, каким нужно быть. Каждый обычай нашей жизни имеет свой смысл, но этот смысл не выражается в формуле обычая [14, с. 542–545]. Разумеется, целесообразность такого действия имеет объяснение, но, оно, повторяем, не содержится в формуле, предписывающей это действие. Попробуйте спросить несколько человек, неукоснительно соблюдающих, например, порядок приема гостей, о смысле, целесообразности этого порядка, и вы наверняка получите различные толкования. Вместе с тем, есть много обычаев, особенно среди запрещающих определенное действие, целесообразность которых столь однозначно понимается всеми, что не возникает никаких разночтений [13].

Обычай вводит поведение молодого поколения в русло, проложенное старшими поколениями через детальную регламентацию действий в конкретных ситуациях, то есть обычай действует как механизм стереотипа. Традиция эту задачу решает иначе – через регламентацию духовных качеств, необходимых для правильного, с точки зрения данного общества, поведения в той или иной сфере общественной или личной жизни (по мнению П. Г. Богатырева, традиция – «предварительная цензура» [3]). Но, значит, любое духовное качество вырабатывается только в процессе деятельности, и обычай, требуя выполнения детально предписанных им действий, формирует духовные качества.

Обычай и традиции выполняют две общие для них социальные функции: быть средством стабилизации утвердившихся в данном обществе отношений и осуществлять воспроизводство этих отношений в жизни новых поколений. Но эти функции обычаи и традиции осуществляют различными путями; обычаи непосредственно, путем детальных предписаний действий в конкретных ситуациях стабилизируют определенные звенья общественных отношений и воспроизводят их в жизнедеятельности новых поколений. Традиции, в отличие от обычаев, прямо обращены к духовному миру человека, они выполняют свою роль средств стабилизации и воспроизводства общественных отношений не непосредственно, а через формирование духовных качеств, требуемых этими отношениями.

Идейным содержанием, то есть формулой обычая, всегда бывает правило поведения – детальное предписание поступков в конкретной ситуации. Идейным содержанием, формулой традиции всегда выступает норма или принцип поведения. Последние, в отличие от правил, указывают общее направление поведения и, самое главное, духовные качества, необходимые для утверждаемого ими характера поведения (например, бережливость). Обычай жестко фиксирует действия или запрет какого-то действия. Его цель – реализация строго регламентированного действия. Традиция не имеет жесткой связи с конкретным действием в определенной ситуации. Поскольку духовные качества, утверждаемые традицией, необходимы для любых конкретных действий. Реализация этих действий не самоцель, как это имеет место в обычае, а средство для формирования черт духовного облика человека, требуемых традицией.

Основанием различий между обычаями и традициями выступает характер обществен-

ных отношений, средством стабилизации и воспроизводства которых выступают эти социальные явления. Обычаи функционируют только в тех общественных отношениях, где имеются стереотипно повторяющиеся ситуации; реализация этих отношений может кристаллизоваться в жестких стандартах действий. Таких стереотипно повторяющихся простых общественных отношений в современной жизни великое множество (например, отношения между людьми в общественных местах), то есть обычаи функционируют в любой сфере деятельности. Поэтому нельзя согласиться с мнением, что обычаи относятся только к сфере быта. В реальной жизни быт и другие области общественной жизни (политика, экономика, идеология и т. д.) не отделямы друг от друга.

Наряду с простыми, стереотипно повторяющимися общественными отношениями есть отношения сложные, варьирующиеся в каждой конкретной ситуации. Формой регулирования поведения в таких отношениях является воспитание морально-этических качеств человека, отвечающих требованиям этих отношений. Если обычай гостеприимства детально регламентирует отношения между гостем и хозяевами, то традиция воинской отваги не может дать детальных предписаний во всех конкретных ситуациях. Слишком разнообразны и изменчивы в этой сфере деятельности ситуации, поэтому традиция воинской отваги нацелена на формирование таких нравственных качеств человека, которые делали бы его способным к воинской доблести.

Таким образом, между обычаями и традициями имеется существенное различие в эффекте их воспитательного воздействия на человека. Обычай формирует простые привычки – стереотипно повторяющиеся действия в известной мере носящие характер автоматизмов. Традиция формирует слож-

ные привычки – определенную направленность поведения. Простая привычка – это средство организации поведения в стереотипных функционирующих общественных отношениях. Сложная привычка – это активная форма отражения требований жизни; в любой ситуации, имеющей к ней отношение, она в границах утверждаемой ею направленности поведения предоставляет человеку свободу выбора конкретного поступка. На основе сложной привычки всегда имеется возможность импровизировать. Обычаи как массовые простые привычки регулируют реализацию только тех общественных отношений, которые уже прочно утвердились в многократном и более или менее однообразном повторении. Как формы регулирования поведения они не вполне эффективны в новых, непривычных ситуациях. Традиции как массовые сложные привычки ориентируют поведение не только в утвердившихся отношениях, но и в тех их новых вариантах, которые возникают неожиданно, резко отличаясь от привычного.

Обычай, включая в себя простые, стереотипно повторяющиеся отношения, передает другому поколению стандарт действия, поступка. Несмотря на известную одиозность термина «стандарт» в его приложении к духовной жизни, необходимо признать, что именно стандарт действия, простая привычка, является незаменимой формой социализации индивида в первые годы его жизни, самым эффективным средством организации его практической деятельности и психических процессов в этом периоде. Подобно историческому развитию всего человечества, человек в индивидуальном развитии так же проходит путь от простых к все более сложным общественным отношениям. Как в истории общества новые поколения первоначально усваивали опыт социального поведения путем восприятия обычаев, а затем и тради-

ций, так и в индивидуальном развитии человека последовательно проходит путь усвоения сначала обычаев своего народа, общества, а затем дополняющей их системы традиций. С возрастом человек включается во все более сложную систему общественных отношений; этому включению соответствует дополнение простых привычек все более сложными.

Строго продуманная организация быта детей, постоянное и детальное выполнение ими простых требований общественной среды, воплощенных в обычаях, воспитывают у ребенка организованность, дисциплину, аккуратность, точность, исполнительность – исходные качества, без которых не может быть успешного развития более высоких слоев – духовного мира, способностей и дарований.

Обычай, оставляя в тени связь между утвержденными им действиями и формируемыми этими действиями качествами, исподволь прививают людям определенные черты духовного облика. В этой особенности обычая кроется великая сила: люди, включенные в систему таких обычаев, воспитываются в соответствии с указанными потребностями незаметно для самих себя, естественно и просто [9]. Ребенок, формируемый подобным образом, усваивает нравственную практику честных поступков раньше, чем начинает понимать содержание понятия «честность». В такой системе воспитания моральная сентенция лишается претенциозности, неправомерного для нее стремления стать главной, решающей нравственно-воспитательной силой и выступает в истинной для нее роли – в роли формы осознания личной практики морального поведения [13, с. 14].

В такой системе достигается еще один результат, имеющий неоценимое значение в формировании личности: люди не замечают, не чувствуют, что их кто-то воспитывает. Исчезает та тревожная, создаваемая словесным воспитанием ситуация, когда нравствен-

ные качества, объективировавшись в слове, воспринимаются детьми как нечто предлагаемое им извне, порой навязываемое им воспитателем.

Таким образом, очевидно, что действия в традиции подчинены сознательной цели воспитания. А обычай, как правило, воспринимается без достаточного обдумывания, накладывает более стойкий, чем традиция, отпечаток на психологию поведения человека.

Следовательно, во-первых, нужные моральные качества первоначально формируются строгой и четкой организацией жизни ребенка; во-вторых, эта организация в воспитательном процессе должна представлять собой продуманную систему обычаев – стереотипов поведения, детально регламентирующих основные виды жизнедеятельности ребенка и неукоснительно им соблюдаемых; в-третьих, традиции никогда не действуют вне связи с обычаями, они всегда функционируют на основе последних.

«Закрепленные обычаями простые отношения и сформированные ими духовные качества традиции включают как предпосылку, как исходный материал для стабилизации и воспроизводства в жизни новых поколений сложных общественных отношений, социально значимых и массовых духовных качеств» [13, с. 25].

Традиции – «это различные искусственно-языковые структуры, специально предназначенные для однозначного для всего человечества выражения соответствующего отношения культуры и природы» [12, с. 229].

Выступая как форма исторического поступательного процесса, традиции, с одной стороны, имеют определенные объективные основы, выступают как результат целой совокупности социально-экономических причин, а с другой стороны, имеют свою собственную «внутреннюю логику» развития, ибо вчерашняя действительность в ряде своих аспек-

тов (прежде всего это касается отношения к идейному наследству) есть духовная ценность для современности: «...личность формируется всей целостностью мира, в котором она сама себя обретает... из этого следует... чтобы иметь духовно развитую личность, нужен объективно развитый мир человеческой духовности, нужна подлинная духовная культура, имеющая свои невыдуманные традиции, действительно утверждающая присущие ей критерии и нормы в практической жизни людей... Накапливаемый общественной реальностью опыт *человечности* кристаллизуется и проходит тысячекратную проверку в совместной жизнедеятельности людей, их свободном общении, столкновении различ-

ных точек зрения и волевых устремлений. Именно поэтому каждый индивид может полагаться на эту своеобразную реальность, находить в ней уверенность и опору в трудных ситуациях своего бытия» [6, с. 306].

Таким образом, можно утверждать, что традиции выступают как система моральной регуляции личности в социуме. Поскольку их анализ, как формы общественных отношений, позволил нам установить, что традиции являются средством, непрерывно воздействующим на общественную психологию и формирующим, как педагогический процесс, духовные качества личности через детальную регламентацию основных видов жизнедеятельности человека.

Литература

1. Антология исследований культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – Т. 1: Интерпретация культуры. – 728 с.
2. Баллер Э. А. Социальный прогресс и культурное наследие. – М.: Наука, 1987. – 225 с. – (История и современность).
3. Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. – М.: Искусство, 1971. – 543 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Наука логики: Собр. соч. – М., 1937. – Т. V. – 501 с.
5. Евзлин М. Космогония и ритуал. – М.: Радикс, 1993. – 344 с.
6. Культура и развитие человека: очерк философско-методических проблем / отв. ред. В. П. Иванов, АН УССР. Ин-т философии. – Киев: Наук. думка, 1989. – 320 с.
7. Культурная политика России. История и современность. Два взгляда на одну проблему / отв. ред. И. А. Бутенко, К. Э. Разлогов. – М.: Либерия, 1998. – 296 с.
8. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. – 4-е изд. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 584 с.
9. Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. – Таллинн: Александра, 1993. – Т. 1. – 479 с.
10. Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. – Таллинн: Александра, 1993. – Т. 3. – 480 с.
11. Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах Маркса // Вопросы философии. – 1968. – № 6. – С. 14–25.
12. Сильвестров В. В. Культура. Деятельность. Общение. – М.: РОССПЕН, 1998. – 478 с.
13. Суханов И. В. Обычай, традиции и преемственность поколений. – М.: Политиздат, 1976. – 216 с.
14. Тейлор Э. Б. Миф и обряд в первобытной культуре. – Смоленск: Русич, 2000. – 624 с.
15. Универсальный энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – 1551 с.
16. Цивилизация, культура, личность / под ред. В. Ж. Келле. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 224 с.
17. Шендрик А. И. Времен связующая нить (проблемы преемственности духовной культуры). – М.: Знание, 1988. – 64 с.
18. Этнографические истоки фольклорных явлений. Русский фольклор. XXIV. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1987. – 223 с.